

И.А. Бескова

Сознание: перцептивное, высокоуровневое, глубинное

Игорь Петрович Меркулов многие годы своей жизни посвятил всестороннему исследованию проблемы сознания. Итоговой в этом отношении стала его позиция, представленная в книге «Феномен сознания»¹. На основе анализа многочисленных экспериментальных данных, изучения различных исторических и современных подходов, рассмотрения культурно-антропологических свидетельств, он дает следующее рабочее определение понятия «сознание»: «...Это информационное свойство (способность) когнитивной системы живых существ, проявляющееся прежде всего в самосознании (т. е. в осознании собственного «Я» и отличия от «других», в наличии «Я-образов» и т. д.). Благодаря наличию этой способности человеческая когнитивная система может генерировать различные состояния индивидуального сознания (в том числе, и измененные). Сознание участвует в процессах переработки (и хранения) информации (включая культурной) о событиях внешней среды, внутренних состояниях организма, эмоциях и т. п., обеспечивая управление (от лица «Я-образов» и символично (вербально) репрезентируемых «Я-понятий») работой когнитивной системы, психикой, а также многими, в том числе и высшими, когнитивными функциями и действиями главным образом на уровне планов, целей и намерений»².

Особое внимание И.П.Меркулов уделял проблеме эволюции человека в ее сопряженности с проблемой эволюции сознания. Он подчеркивал, что с определенного момента эволюция человека при-

обрела форму нейроэволюции, а последняя – форму когнитивной эволюции. Причину подобного положения вещей он видел в следующем. Экспериментальные исследования свидетельствуют о том, что огромная часть генов человека связана с обеспечением формирования, развития и функционирования мозга. При этом логика эволюционного процесса такова, что выживают наиболее приспособленные особи, так как они оказываются в состоянии оставлять больше потомства и тем самым увеличить представленность собственного генетического материала в общем генофонде популяции.

Поскольку для увеличения адаптированности требуется хорошее понимание происходящего в мире и способность приспосабливаться к таким процессам, а в идеале – контролировать их, постольку особую ценность приобретают средства, обеспечивающие данную возможность. Безусловно, таким инструментом является мозг. Именно поэтому виды, имеющие преимущества в устройстве и развитии мозга, обеспечивают себе более выгодные условия выживания.

Эффективное использование возможностей мозга связано с накоплением, переработкой и хранением разнообразной информации. В этой связи нейроэволюция оказывается сопряженной с когнитивной эволюцией. А И.П.Меркулов даже считал, что она приобретает форму когнитивной эволюции. Но в любом случае, формирование, развитие и совершенствование средств, обеспечивающих возможность осуществления информационного контроля среды, дает как индивиду, так и виду в целом, важные эволюционные преимущества.

Но как протекает когнитивная эволюция? С чего она начинается и во что выливается?

Это непростые вопросы. Все мы знаем вроде бы очевидный ответ: когнитивная эволюция начинается с простейших форм проточувствительности и завершается развитием высоко развитого сознания. Однако, если вдуматься, будет понятно, что здесь возникают методологические трудности. Содержат простейшие формы проточувствительности зачатки сознания, из которых и на базе которых потом развивается высокоуровневая способность, или нет?

Если да, то тогда вопрос об эмерджентной природе сознания отодвигается вглубь эволюции, и перед нами встает проблема объяснения того, откуда берутся и на какой стадии возникают сами

эти зачатки сознания. Если нет, то требуется объяснить, как, когда, в связи с чем из форм, не содержащих сознания даже в зародыше, рождается эта высокоуровневая способность.

И.П.Меркулов полагал, что в основе формирования сознания лежит накопление когнитивной информации, связанной с восприятием среды и выполнением простейших «вычислений» по предсказанию ее поведения. Он подчеркивал, что когнитивная информация – это не то, что разлито прямо в среде, а то, что организм конструирует, «вычисляя» на основе восприятия и переработки тех сигналов, которые приходят к нему из среды. Следствием накопления такой информации оказывается то, что на определенном этапе эволюции ее становится слишком много. И тогда часть, избыточная для повседневных нужд, буферизируется. Со временем для управления и оперирования последней начинают формироваться механизмы, которые И.П.Меркулов уподобляет логическим алгоритмам, программам, устройствам, обеспечивающим обработку информации в современных компьютерах. Подобного рода устройства и составляют ту основу, которая определяет формирование и эволюцию специфически когнитивных средств контроля среды.

Те составляющие когнитивных механизмов, которые связаны с самовосприятием и в значительной степени поддерживают относительно стабильное состояние внутренней среды, Меркулов объясняет функционированием перцептивного сознания. Он соотносит перцептивное сознание преимущественно с правополушарными стратегиями переработки информации и с правополушарным мышлением в целом. Такое мышление характеризуется целостным подходом к переработке информации, оно симультанно, параллельно, оперирует блоками информации. Со временем на его основе формируется более высокоразвитое, символическое сознание, функционирование которого Меркулов соотносит преимущественно с левополушарным мышлением.

Идею существования двух видов сознания, одно из которых выступает базой, основой для развития другого, мы находим также и в работах лауреата Нобелевской премии, основателя и директора Института нейронаук в Сан-Диего Джералда Эдельмана. Его многолетние плодотворные исследования позволяют ввести важные конкретные нейрофизиологические и нейроанатомические данные, подкрепляющие идеи о природе и эволюции сознания.

Он, как и И.П.Меркулов, тоже говорит о существовании некой базовой формы сознания, которое называет первичным и связывает с функционированием механизмов, обеспечивающих первичную осведомленность о состоянии среды, о значении этой информации для данного живого существа и о возможностях использовать эту информацию в своих интересах. Первичное сознание Эдельман соотносит с тем, что происходит в настоящий момент, здесь и сейчас, и не содержит непосредственной отсылки к прошлому или будущему. Наряду с этой формой имеется более высокоуровневое сознание, которое увязывает происходящее здесь и сейчас с личностными смыслами, причем в любых временных категориях. Такое сознание неустранимо связано с самоосознаванием, самосотнотностительно по своей природе.

Вот как об этом говорит Дж. Эдельман: «Я провожу различие, которое считаю фундаментальным, между первичным и более высокоуровневым сознанием. Первичное сознание – это состояние наличия ментальной осведомленности о вещах в мире, наличия ментальных образов в настоящем. Но для человека оно не сопровождается каким-либо соотносением с личностными смыслами, связанными с прошлым или будущим. Это то, чем, как можно предположить, обладают некоторые животные, не использующие специальных лингвистических средств и особых средств для передачи смыслов... В противоположность этому, высокоуровневое сознание (*higher-order consciousness*) включает в себя распознавание мыслящим субъектом собственных действий или предпочтений. Оно воплощает модель личностного, а также прошлого и будущего в той же мере, как и настоящего. Оно выражается в прямом осознании – невыводном или непосредственном осознании ментальных эпизодов без вовлечения органов чувств или рецепторов. Это то, что мы, люди, имеем в дополнение к первичному сознанию. Мы сознаём, что являемся сознающими»³.

Что касается вопроса происхождения сознания, Эдельман основывает свою позицию на том, что сознание возникло как фенотипическое свойство в некоторой точке эволюции видов. Приобретение сознания или даровало эволюционное преимущество непосредственно тем индивидам, которые обладали им, или обеспечило базис для других качеств, которые повышали приспособленность носителей. «...Человеческие существа находят-

ся в привилегированном положении. Хотя мы, может быть, и не единственные животные, наделенные сознанием, мы (возможно, за исключением шимпанзе) – единственные, обладающие самосознанием. Мы – единственные животные, способные к языку, могущие моделировать мир вне настоящего момента, способные давать отчеты, обучаться и соотносить наши феноменальные состояния с данными физики и биологии»⁴.

Характеризуя природу высокоуровневого сознания, Эдельман пишет, что оно базируется на наличии прямого осознания у людей, владеющих языком и имеющих субъективную жизнь, о которой можно составить отчет. Первичное сознание складывается из элементов феноменального опыта, таких как ментальные образы, но оно ограничено временем в пределах измеримого настоящего, знаменуется отсутствием концептов самости, прошлого и будущего, и лежит за пределами прямого дескриптивного отчета индивида, осуществленного с его собственной точки зрения. «Соответственно, существа, обладающие только первичным сознанием, не могут конструировать теории сознания – даже ошибочные!», – заключает Эдельман⁵.

Он полагает, что нейрофизиологическими средствами, обеспечившими формирование и развитие сознания, выступили две системы: лимбическо-стволовая и таламокортикальная, оставшиеся взаимосвязанными на протяжении всего процесса эволюции. Более поздняя кортикальная система обслуживала поведение, связанное с научением, которое было адаптивным по отношению к возрастающей сложности среды. Поскольку это поведение было отобрано, чтобы служить физиологическим нуждам и ценностям, опосредованно связанным с более ранней лимбическо-стволовой системой мозга, эти две системы должны были быть увязаны таким образом, чтобы действия их могли быть согласованными. Он пишет: «Действительно, такое согласование – ключевая часть научения. Если кортекс имеет дело с категоризацией мира, а лимбическо-стволовая система с означиванием и оцениванием (или с приписыванием значений эволюционно отобраным физиологическим паттернам), тогда научение может быть понято как средство, за счет которого категоризация осуществляется на основе оценки, чтобы вылиться в адаптивные изменения поведения, которые удовлетворяют оценке... У некоторых видов, обладающих

кортикальной системой, категоризация отдельных, каузально не связанных, частей мира может быть скоррелирована и объединена в *сцену*. Под сценой я подразумеваю упорядоченное в пространстве и времени множество категоризаций известных и неизвестных событий, причем *некоторые с необходимой физической или каузальной связью с другими событиями в той же сцене, а некоторые без нее*. Преимущество, обеспечиваемое способностью конструировать сцену, состоит в том, что события, которые могли иметь значимость в рамках прошлого научения животного, могут быть соотнесены с новыми событиями, независимо от того, связаны ли они между собой каузально во внешнем мире. Что еще более важно, так это то, что данное отношение может быть установлено в рамках требований ценностных систем отдельного животного. Таким образом, выделенность события определяется не только его положением и энергией в физическом мире, но также и его относительной значимостью /ценностью, которая определяется прошлым опытом данного животного как следствие его научения»⁶. Эдельман заключает, что именно эволюционное развитие способности конструировать сцену привело к возникновению первичного сознания.

Особенно интересной в плане предлагаемой им модели эволюции сознания представляется идея особого воспроизводящего контура (или цикла с множественными повторными вводами), который возник в ходе эволюции как новый компонент нейронаномии. Вот как он его характеризует: «Этот контур учитывает непрерывный повторяющийся обмен сигналами между ценностно-категориальной памятью и ведущимися глобальными картированиями с перцептивной категоризацией в реальном времени. Животное без этих новых повторяющихся связей может осуществлять перцептивную категоризацию в различных сенсорных модальностях и может даже развить концептуальную оценочно-категориальную (ценностно-категориальную) память. Однако такое животное не может связать перцептивные события в разворачивающуюся сцену. С возникновением новых повторно возобновляемых контуров в каждой модальности *концептуальная категоризация сопутствующих перцепций* может осуществляться *до* того, как перцептивные сигналы повлияют на эту память. Взаимодействие между особым рода памятью и перцептивной категоризацией дает начало первичному сознанию. Этот процесс бутстрапа⁷ происходит во всех

сенсорных модальностях параллельно и синхронно, давая начало соответствующим повторяющимся контурам в мозге и, таким образом, обеспечивая возможность конструирования сложной сцены. Когерентность этой сцены координирована концептуальной ценностно-категориальной памятью, даже если индивидуальные события перцептивной категоризации, входящие в нее, каузально независимы»⁸.

И, наконец, самое важное: мозг осуществляет процесс концептуальной «самокатегоризации». Самокатегоризация обеспечивается за счет увязывания прошлых перцептивных категорий с сигналами от ценностной системы, процесса, выполняемого кортикальной системой, способной к концептуальному функционированию. Эта ценностно-категориальная система затем взаимодействует через повторяющиеся связи с областями мозга, производящими непрерывную перцептивную категоризацию событий и сигналов, идущих от внешнего мира. Перцептивный (феноменальный) опыт возникает из соотношения с концептуальной памятью множества совершающихся перцептивных категоризаций. Финальный и ключевой момент знаменует возникновение первичного сознания: скоррелированную сцену, которая складывается на основе функции повторно используемых связей между кортикальными системами, опосредующими концептуальную ценностно-категориальную память, и таламокортикальными системами, которые осуществляют сквозную перцептивную категоризацию всех сцен. И как итог следует вывод, что «первичное сознание – некий род «помнимого настоящего», «настоящего, удерживаемого в памяти» (“remembered present”»)⁹.

Каково эволюционное значение подобной системы? Первичное сознание помогает абстрагировать и организовывать во внутреннем мире сложные изменения в окружающей среде, включающей множественные параллельные сигналы. Хотя некоторые из этих сигналов могут не иметь прямых каузальных связей во внешнем мире, для животного они могут служить важными индикаторами опасности или награды. Это возможно потому, что первичное сознание увязывает их характеристики в рамках выделенности, определяемой прошлой историей живого существа и его ценностями.

Итак, по мнению Эдельмана, первичное сознание ограничено малым интервалом запоминания вокруг момента времени, называемого настоящим. В нем не представлено точное понятие или

концепт личностного «Я», и оно не обеспечивает способность моделировать прошлое или будущее как часть скоррелированной сцены. «Животное, обладающее первичным сознанием, видит комнату таким образом, каким лучи света освещают ее. Только то, что попадает в световой пучок, находится в точности в помнимом настоящем; все остальное – темнота. Это не значит, что животное с первичным сознанием не может иметь долговременной памяти или действовать на ее основе. Но оно не может быть осознанным относительно этой памяти, или планировать отдаленное будущее для себя, базирующееся на этой памяти»¹⁰.

Методологические трудности, возникающие в рамках существующих подходов

Итак, как видим, в этих подходах есть много интересного и ценного в плане понимания природы сознания, логики его эволюции и возможностей его функционирования. Однако палитру красок, рисующих феномены сознания, мне кажется, следует расширить. Эти представления я бы хотела вписать в более общую картину эволюционного процесса, поскольку, на мой взгляд, в рамках обеих моделей остаются некоторые неясные моменты. И прежде всего это касается вопроса о том, как все-таки из более примитивных форм чувствительности рождаются зачатки сознания (как из ничего возникает что-то).

Вообще говоря, идея сознания как динамического свойства определенных высокоуровневых паттернов нервной организации была высказана неврологом Роджером Сперри, который одним из первых сформулировал положение о том, что сознание рождается как эмерджентное системное свойство высокоуровневых организационных процессов, протекающих в мозге¹¹. По его мнению, возникновение сознания на основе нервных процессов представляет собой межуровневый феномен, подобный возникновению молекул из квантовых полей: молекулы с присущими им химическими характеристиками рождаются из субатомной реальности, но непосредственно не сводятся к ней. Свойства и функции сознания тоже не только не сводимы к любой конкретной нервной подструктуре, но сами управляют составляющими более низкого порядка.

Как уже отмечалось, в целом это интересный и плодотворный подход. Однако он оставляет без ответа один принципиальный вопрос: с каким именно этапом эволюции системы связано возникновение сознания в качестве ее нового эмерджентного свойства (причем не исторически, а логически)? Должны ли мы принять, что зачатки сознания (хотя бы в минимальной и самой непроявленной форме) присутствуют уже на уровне той реальности, которая предшествует рождению сознания и на базе которой оно затем и формируется? Иными словами, происходит ли рождение сознания на базе структурных элементов предшествующего уровня сложности системы, *уже обладающих зачатками чувствительности*, которые затем и дадут толчок возникновению нового эмерджентного свойства, или же они полностью лишены даже тех зародышей будущего формирующегося на их базе качества, которое еще только в потенциале разовьется?

Например, в качестве одной из наиболее ранних, зачаточных форм, лежащих в основе будущей способности сознания, может рассматриваться простейшая форма чувствительности, которая представлена в форме субъективной составляющей переживания организмами их способности к движению. Существует ли такая чувствительность у одноклеточных организмов, вовсе не имеющих нейронов? И если да, то как глубоко в структуру материи простирается это свойство? Можем ли мы сказать, что имеется уровень развития субстрата, который был бы лишен подобной проточувствительности, но на каком-то отдаленном этапе эволюции системы, тем не менее, мы могли бы наблюдать рождение сознания у соответствующего организма?

Иными словами, если мы определяем сознание как эмерджентное свойство, в какой-то момент возникающее из имеющегося уровня организации системы, то встает методологический вопрос: существуют ли на этом предыдущем уровне жизни системы зачатки, зерна будущего нового свойства? И если да, то когда и на какой основе возникают и формируются сами эти зачатки? Следует ли признать их изначально и по природе присущими всему живому? Если мы отвечаем на этот вопрос положительно (то есть некая простейшая форма *проточувствительности*, лежащая в основе последующего формирования сознания, *изначально присуща* тем структурам, на базе которых позднее развивается созна-

ние), тогда, в некотором смысле, получается, что сознание (пусть и в зачаточной, *прото*форме) изначально присуще тем структурам, на базе которых, как постулируется, оно лишь потом рождается. Если нет, то как, где, когда, на какой основе возникают и рождаются те зачатки проточувствительности, из которых когда-то в будущем, на продвинутом уровне эволюции системы, разовьется сознание как новое эмерджентное свойство? Данная дилемма фактически воспроизводит тот же вопрос о логике возникновения сознания, но только адресуя его к более ранним стадиям формирования и развития системы и, соответственно, формулируя его по отношению к более ранним, *лежащим в основе формирования сознания*, ее качествам. Подобный логико-методологический вопрос в рамках анализируемой модели не находит ответа.

Более того, можно сказать, что данный методологический казус вообще не имеет решения, но за исключением одного варианта: если сознание признается врожденным и считается, что оно лишь эволюционирует. В любом другом случае задача объяснения того, как из ничего рождается что-то, все равно воспроизведется (к какому бы отдаленному этапу эволюции системы мы ее ни отнесли, и на какой бы конкретный носитель ни списали – нейронные сети, информационные структуры, психофизические паттерны). В частности, если мы скажем, что сознание возникает как свойство высокоорганизованных сетей при достижении ими определенной степени сложности¹², то и это не решит проблему, потому что, во-первых, в этом случае оно предстает как эпифеномен, а не самостоятельная когнитивная способность, имеющая основание в себе самой, с чем согласятся далеко не все, и, во-вторых, мы должны будем объяснить логику эволюции сетей: почему она осуществлялась в том направлении, которое привело к возникновению сознания. Если мы будем ссылаться на случайный характер этого процесса, то тем самым, постулируем случайный характер возникновения сознания, – а это позиция, уязвимая по очень многим параметрам. Таким образом, получается, что для нас было бы оптимальным, с одной стороны, неким образом сохранить идею врожденности данной когнитивной способности (чтобы избежать бесконечной отсылки ко все более и более ранним этапам); с другой, – как-то совместить ее с идеей эволюции, причем такой эволюции, когда эмерджентность возникновения сознания в некой точке эволюционной истории все же наличествует.

Кажется невозможным одновременно удовлетворить этим пожеланиям. Однако это не так. Чтобы представить модель, в которой вышеозначенные постулаты были бы реализованы, я предлагаю противоположную логику объяснения механизмов возникновения сознания как высокоуровневого свойства, не встречающегося больше нигде в природе, и присущего только человеку. Вкратце она такова.

Виды сознания. Логика их трансформации

На мой взгляд, сознание как универсальная способность¹³ свойственно человеку по природе. Эту изначальную, целостную, нерасчлененную, базовую для всех остальных когнитивных проявлений функцию я называю *глубинным сознанием*. Однако не следует путать: это – не то высокоуровневое свойство, которое известно нам по нашему повседневному опыту и которое мы считаем вершиной эволюции. Это **то, что лежит в основе** всех остальных форм проявления сознания, в том числе и высокоуровневого, и первичного (перцептивного).

Таким образом, данная способность (в форме глубинного сознания) врожденна. Но теперь возникает необходимость обоснования того, что высокоуровневое сознание производно от глубинного. При этом следует проанализировать характер их взаимосвязи, исследовать, почему, когда и в связи с чем происходит переход от последнего к первому.

Обратим внимание: задача при таком «переворачивании проблемы» состоит не в том, чтобы выяснить, как из примитивных форм проточувствительности сначала рождается, а затем эволюционирует и приобретает современную форму проявления высокоуровневое сознание, а в том, чтобы понять, как, когда, почему более фундаментальная способность, даже более совершенная, чем та, которую мы знаем из собственного повседневного опыта в форме высокоуровневого сознания, – как эта способность видоизменяется, обретая знакомые нам проявления: от достаточно развитых до совсем примитивных. Следует объяснить, почему, – если нам *по природе присуща* способность глубинного сознания, мы в какой-то момент оказываемся отделены от нее барьером самости и

в результате утрачиваем те бонусы, которыми – по идее – наделены изначально? Иначе говоря, при «переворачивании» проблемы необходимо понять, не почему, условно говоря, из проточувствительности амебы рождается человеческое высокоуровневое сознание, а почему у амебы *одна и та же* «супер-способность» принимает форму проточувствительности, тогда как у современного представителя технократической культуры она предстает в форме высоко-развитого символьного сознания?

Может создаться впечатление, что описанное «переворачивание» задачи предполагает вместо эволюции сознания объяснить его инволюцию, – о чем говорят эзотерики: сознание как божественная способность, по мере опускания в глубину материи теряет свою легкость, прозрачность, тяжелеется, огрубляется и предстает в той форме, которая знакома нам.

Однако в данном случае речь идет о другом. Аспект инволюции можно усмотреть только в первом акте драмы трансформации сознания: когда в результате пережитой человеком диссоциации, он утрачивает связь с собственной глубиной, объемностью, и способность непосредственного мгновенного знания-постижения происходящего в другом, как во-мне-самом-совершающегося (неотъемлемая составляющая глубинного сознания) оказывается разрушенной. Глубинное сознание актом диссоциации превращается в *поверхностное*, которое способно получать знание о мире только опосредованно, в результате использования того, что оно видит «на поверхности» объектов, что просматривается во *внешних* проявлениях. Далее оно строит догадки, формулирует гипотезы, выдвигает теории, конструирует модели, выводит из них следствия, сопоставляя эти следствия с тем, что видит на поверхности, делает вывод о достаточной степени точности модели или необходимости коррекции. И тогда снова строит, выдвигает, формулирует, проверяет... Для глубинного сознания во всем этом нет необходимости, т. к. из-за того, что изначально человек соприроден, однопорядков миру¹⁴, оно обеспечивает непосредственное прямое знание-усмотрение сущностной природы другого.

Итак, в самом общем виде можно сказать, что поверхностное сознание (я еще называю его *эго-сознанием*, потому что его формирование непосредственно связано со становлением самости в процессе эволюции) отличается от глубинного тем, что средством познания

при его использовании выступает когнитивное оперирование (анализ и синтез, абстракции и идеализации, формулирование гипотез и конструирование теорий). Способность же непосредственного, прямого знания-усмотрения оказывается безвозвратно утраченной.

После того как глубинное сознание в результате диссоциации человека превращается в поверхностное (что, в принципе, можно рассматривать как момент инволюции), последнее с этого момента начинает эволюционировать. И теперь уже перцептивное (первичное) и высокоуровневое сознания предстают ступенями его эволюции. Иными словами, все аспекты трансформаций: от простейших проявлений поверхностного сознания у человека (в виде перцептивного, первичного сознания), до формирования высокоразвитого, символического сознания далее укладываются в тот путь, который был обозначен в вышепредставленных подходах и который обеспечивается вышеописанными нейроанатомическими и нейрофизиологическими структурами.

Такова в самом общем виде логика анализа проблемы происхождения сознания в рамках предлагаемой модели. Рассмотрим теперь более конкретно вопрос о том, в какой же момент поверхностное сознание (ступенями которого выступают перцептивное и высокоуровневое сознание) возникает и почему именно тогда?

Диссоциация как источник формирования поверхностных форм сознания

Я полагаю, что, оно рождается на основе универсальной способности глубинного сознания, присущего человеку по природе, в тот момент эволюционной истории, который в Библии представлен мотивом грехопадения. Вкушая от древа познания добра и зла, человек вбирает в себя противоположности, делает взаимоисключительности частью своего внутреннего мира. Отныне прежде целостный человек (это состояние, как мне кажется, выражается в Библии мотивом невинности) диссоциирован, и его взгляд на мир (а также и на самого себя) становится неустранимо дуальным. В результате обращения к миру с *такой* позиции неизбежно формируется видение мира как двойственного, наполненного борьбой и конфликтом, потому что любая репрезентативная система распо-

знаёт в окружающем и выражает своими средствами только то, что отвечает ее собственной природе. Иными словами, мир разный, но диссоциированным умом он будет с необходимостью воспринят как поделенный на противоположности, которые тот усмотрит везде, куда бы ни направил свой взгляд.

Однако какому когнитивному акту, какой принципиальной когнитивной задаче, возникающей в ходе эволюции познавательных потенциалов человека, может соответствовать мотив грехопадения, приводящего к диссоциации? Иными словами, какой реальный сюжет из динамики познавательной способности человека можно поставить в соответствие библейскому мотиву грехопадения? И здесь я хочу обратить внимание на такую ключевую во многих отношениях операцию, как замыкание способности сознания на саму себя, иными словами, на переворот в мироощущении, связанный с рождением самосознательности, самоосознавания.

Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что присоединение внимания к деятельности усиливает переживание деятельности. В частности, ученые обнаружили, что когда человек смотрит на ту часть своего тела, которую трогают, соматосенсорная зона коры головного мозга, отвечающая за интерпретацию тактильных ощущений, активизируется сильнее, чем когда он не видит прикосновения¹⁵. Поэтому направление внимания на саму деятельность направления внимания делает – помимо всего прочего – переживание процесса куда более острым, чем всё то, что до этого ощущалось. В этом переживании кристаллизуется новое самоощущение – самости как чего-то отличного от всего прежде переживавшегося. Когда такой шаг был впервые сделан в эволюции, в это мгновение и произошло привнесение в мир человека двойственности, раздробленности. Потому что отныне одно и то же – физиологически, субстанциально, телесно – существо, в одно и то же время в одном и том же отношении стало «Я» и «не-Я». «Я» – как то переживание, которое конституируется при *обращении способности сознания на саму эту способность*, при замыкании способности сознания на саму себя, когда человек сознаёт себя сознающим. И «не-Я» – как все остальные формы переживания собственной представленности в мире, которые, по сравнению с предыдущим, становятся менее острыми, менее полными и слабо интенсивными. И отныне такое «не-Я» оказывается распростра-

няемым не только на внешние объекты окружающего мира, но и на собственную внутреннюю среду, когда внимание/сознание обращено, хотя и внутрь, но не на саму эту способность.

По сравнению с тем первым острым, вспыхивающим ощущением самости никакое другое переживание, возникающее при просмотре, при сканировании внутреннего мира, не дает подобного ощущения полноты присутствия в происходящем. Вот почему при таком видоизменении динамики сознания телесные процессы, внутрителесная составляющая, начинают ощущаться как что-то такое, что (по факту) вроде бы тоже «Я», но в то же время, вроде, и не вполне «Я». По крайней мере, не такое максимально выраженное, не такое кристаллизованное «Я», чем то, каким оно переживается в акте направления внимания на собственную способность направлять внимание, направления сознания на собственную способность сознавать себя сознающим. Последнее переживание отныне выливается в составляющую «дух», «душа», «разум», которые с этого момента больше «не плоть». Так и рождается полностью лишенное вещественности духовное начало и полностью лишенное духовности телесное. Подобная трансформация само- и мироощущения выливается в дихотомизацию всего на свете. И отныне это та самая позиция двойственного, дуального мировидения, которая проявится и при взгляде на самого себя, и на окружающее, и на других существ. Таким образом, диссоциированный ум будет все воспринимать в свете дуальности, потому что любая репрезентативная система распознаёт в окружающем то, что соответствует ее собственной природе. Можно сказать, что это та искажающая линза, которая отныне постоянно перед нашим мысленным взором. Поэтому когда мы видим мир поделенным на противоположности, наполненным борьбой и конфликтами, это не столько говорит нам о том, каков мир, сколько о том, каков наш ум, каков тот инструмент, который мы направляем на восприятие и мира, и (между прочим!) самого себя.

Выводы

Таким образом, логика зарождения и эволюции сознания совсем иная, нежели мы привыкли думать. Способность **глубинного сознания** является *врожденной*, присущей всему живому по

природе, конкретная форма проявления которой в каждом живом существе обусловлена уровнем сложности организации данного существа, а не ее эволюцией. На каждом своем уровне она представлена в максимальной форме, она не может увеличиться и в этом смысле, она не может эволюционировать. Но она может видоизмениться, в определенном смысле, даже **инволюционировать**. Этот процесс – *диссоциация*, которую пережил человек в момент своей филогенетической истории, представленный в Библии мотивом грехопадения. На мой взгляд, этому событию соответствует *замыкание познавательной способности на себя саму*, направление внимания на сам источник направления внимания. В этом процессе происходит серьезнейшее изменение самоощущения и самовосприятия, в результате чего рождается сначала переживание, потом ощущение, потом представление, потом понятие **самости**, «Я» и «не-Я», другого. Диссоциированное глубинное сознание утрачивает свою глубину и *на поверхности* предстает как **эго-сознание**. Вот оно-то как раз и эволюционирует в привычном смысле: от простого к сложному, от примитивных форм проточувствительности к перцептивному (первичному) и далее – высокоуровневому сознанию.

Глубинное сознание представлено в каждой форме жизни в *максимальной степени своей выраженности*, допускаемой уровнем и характером структурной – и прежде всего телесной – организации существа. Поэтому оно – в привычном нам понимании – эволюционировать не может: на каждом данном этапе оно и так максимально выражено. Эволюционирует **поверхностное, эго-сознание, рождающееся на базе глубинного в результате диссоциации, пережитой человеком и явившейся следствием замыкания познавательной способности на себя саму**, когда познающее существо впервые задается вопросом, а каково то, что познаёт, и в этот момент из субъекта жизни, являющегося на самом деле *самим процессом жизни*, превращается в субъекта познания. В этот момент формируется дуальность мировосприятия, возникает «Я» и «не-Я», в этот момент рождается граница, разделяющая человека и мир, которая – кроме всего прочего – пролегает и внутри него самого, разбивая прежнюю целостность на «ум» и «тело», «душу» и «плоть», правильное и неправильное, хорошее и плохое.

Можно ли говорить в этом случае об эволюции или инволюции? И да, и нет. Инволюция имеет место в том смысле, что представленная прежде способность мгновенного непосредственного знания происходящего в другом, как во-мне-самом, совершающегося, в момент диссоциации утрачивается. Соответственно, человек лишается того ресурса, который и обеспечивал его комфортное выживание в мире, где всё понятно, предсказуемо, известно. Теперь человек не может переживать происходящее в другом как во-мне-самом-совершающееся просто потому, что он, как диссоциированное существо, больше не соприроден, не соразмерен миру. Но выживать в так неприятно изменившемся мире надо, и на смену первоначальной, по природе присущей всему живому способности знания как непосредственного усмотрения происходящего в другом как во-мне-самом-совершающегося, приходит растерянность: мир больше не прозрачен, он больше не понятен. Заинтересованное внимание вроде по-прежнему направляется на объект, но спонтанного знания-переживания не возникает. Как жить, как выживать в так изменившемся мире?

Способность **высокоуровневого сознания** формируется *как компенсаторная* в ситуации утраты изначальной, врожденной, по природе присущей способности непосредственного знания-понимания происходящего в другом. Высокоуровневое сознание в непосредственном прямом усмотрении сути объектов и процессов не знает: оно предполагает, выдвигает гипотезы, строит модели, проверяет следствия, сопоставляет разные варианты выводов и снова строит модели и теории, и так долго-долго, постепенно продвигаясь в направлении понимания глубинных процессов.

В таких условиях правильно ли будет говорить, что **способность эго-сознания была адаптивно ценной, т. к. увеличивала приспособительные возможности носителей?** И да, и нет. Нет, по сравнению с первоначальной способностью эмпатийного восприятия, являющегося составной частью глубинного сознания. Да, по сравнению с положением, когда эмпатийная способность оказалась утрачена, а никакой другой пока не родилось.

Возникает ли высокоуровневое сознание как результат эволюции системы в направлении усложнения возможностей в процессе адаптации к миру? И да, и нет. Да, потому что высокоуровневое сознание при диссоциации не рождается как гото-

вый продукт в ставшем, законченном виде, оно появляется в своих начальных формах. Нет, потому что изначально возникшее в результате диссоциации человека поверхностное сознание (чьей разновидностью выступает высокоуровневое сознание) как обладает в начальный момент своего рождения фундаментальной характеристикой двойственности, так и остается с ней в процессе любого совершенствования: она никуда не исчезает и не меняется. Можно сказать так: эго-сознание живо, пока жива двойственность; уничтожение двойственности означает мгновенное изживание зависимости от эго-сознания.

Иными словами, **эволюция сознания и происходит, и не происходит**. Происходит, если мы рассматриваем процессы, связанные с динамикой поверхностного, эго-сознания и относящиеся не к его фундаментальной характеристике (*двойственность* мировосприятия и мироосмысления), а к конкретным формам его проявления. Не происходит, если мы говорим о его базовой черте – дуальности (она как есть в момент рождения эго-сознания, так и остается неизменно, пока функционирует поверхностное сознание).

Если мы говорим *о глубинном сознании*, то и здесь ответ двойственный: его эволюция **и происходит и не происходит**. Не происходит, если мы имеем в виду изменение степени выраженности этого фундаментального, присущего по природе всему живому свойства: оно в каждой форме представлено максимально с точки зрения допускаемой уровнем организации данной формы живого свойствами. Поэтому степень его представленности не может возрасти, может измениться лишь форма живого, в которой данное свойство воплощено: мир минералов сменяется миром растений, который в свою очередь, сменяется миром животных, где имеются беспозвоночные, позвоночные, млекопитающие, приматы, люди.

И эволюция глубинного сознания происходит, если мы рассматриваем самую общую структуру динамики его свойств. Да, первый этап сильно напоминает инволюцию, когда достигается не эволюционный выигрыш, а эволюционный проигрыш. Но человек, проплутав в мире двойственности, может вернуться в родной, соприродный ему мир целостности, гораздо более сложным, прошедшим долгий и трудный путь развития, много узнавшим на своем опыте, много выстрадавшим. Как говорит Экхарт Толле¹⁶, этот процесс представлен мотивом возвращения блудного сына, и,

в конце концов, даже этот этап видимой (внешней) инволюции – проявление божественной игры – *лилы*. И в этом смысле, может быть понят как эволюция.

Примечания

- ¹ Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П. Феномен сознания. М., 2009.
- ² Там же. С. 78.
- ³ *Edelman G. Consciousness: The Remembered Present // Cajal and Consciousness. Scientific Approaches to Consciousness on the Centennial of Ramon y Cajal's Textura / Ed. By Pedro C. Marijuan. Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 929. N.Y., 2001. – см.: Эдельман Дж. Сознание: помнимое настоящее // Психология и психотехника. 2009. № 7. С. 64. (Пер. И.Бесковой). Дальнейшие ссылки даются по русскому изданию.*
- ⁴ Там же. С. 66.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 67–68.
- ⁷ Самонастройки, самосовершенствования.
- ⁸ Там же. С. 68.
- ⁹ Там же. С. 69.
- ¹⁰ Там же. С. 70.
- ¹¹ *Sperry R.W. Structure and significance of the consciousness revolution // J. of Mind and Behavior. 1987. № 8. P. 37–66; Sperry R.W. In defense of mentalism and emergent interaction // J. of Mind and Behavior. 1991. № 12. P. 221–246.*
- ¹² Так, например, Ф.Джонсон-Лэйрд считает, что способности к управлению и самоотнесению, свойственные сознанию, присущи любой высокоуровневой вычислительной системе с исполнительным процессором, имеющим доступ к моделям самого себя и способность рекурсивно встраивать такие модели друг в друга. (См.: *Johnson-Laird Ph. A computational analysis of consciousness // Consciousness in contemporary science. Oxford, 1988. P. 357–368; Johnson-Laird Ph. Mental models. Cambridge, 1983.*)
- ¹³ В духовных традициях его еще именуют изначально чистым сознанием, сознанием-основой и т. п.
- ¹⁴ Что, в частности, как раз и проявляется в том, что все живые существа в равной мере от природы наделены этой способностью глубинного сознания, просто конкретная форма его выраженности будет варьировать в зависимости от степени сложности структурной организации существа.
- ¹⁵ *Эккерман Дж. Краткая истории человеческого тела. 24 часа из жизни тела: секс, еда, сон, работа. СПб., 2008. С. 52.*
- ¹⁶ *Толле Э. Живи сейчас! М., 2005.*